

A
С 429

На правах рукописи

СКИПСКИЙ Георгий Александрович

**Территориально-кадровая система РККА
на Урале в 1920 – 1930-е гг.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета**

**Екатеринбург
2001**

Работа выполнена на кафедре истории России
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Попов Н.Н.

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор С.И. Константинов

Кандидат исторических наук, ассистент А.В. Лямзин

Ведущая организация:

Екатеринбургский артиллерийский институт
Министерства обороны Российской Федерации

Защита состоится «23» ноября 2001 г. в 14⁰⁰ час. на заседании диссертационного совета Д/212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, проспект Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «23» октября 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В.А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Армия России пережила за свою историю несколько военных реформ, которые неизменно затрагивали принципы её комплектования как основу военного строительства. При этом следует заметить, что корректировка принципов военного строительства всегда проходила параллельно с трансформацией государственного аппарата. Но в течение всего существования Вооруженных Сил России для их пополнения использовался как территориальный, так и кадровый принципы комплектования в различном их сочетании.

Профессионализация российской армии на современном этапе не имеет благоприятных социально-экономических, историко-культурных и геополитических условий. Длительный социально-экономический кризис и ухудшение геополитического положения России не позволяют гарантировать обороноспособность страны при опоре на профессиональную армию. В современных экономических условиях государство не в состоянии предложить, а самое главное гарантировать достойный уровень жизни и социальной защищенности многих профессиональных военных. Кроме того, следует иметь в виду, что профессиональная армия, поглощая значительную часть госбюджета, всегда будет малочисленной. Особое геополитическое положение России требует содержания достаточно многочисленных сухопутных войск хотя бы для прикрытия государственных границ.

Военно-политическое положение СССР в конце 30-х гг. дает основание для проведения исторических параллелей с современностью. В 20-е гг. СССР имел низкую обороноспособность в результате губительных последствий Первой мировой и особенно Гражданской войн. В 90-е гг. XX в. и в начале нынешнего столетия Россия пожинает плоды поражения в «холодной войне» и неоднозначных по своим последствиям экспериментов по форсированному переходу к рыночной экономике и созданию правового государства. Многие представители политического истеблишмента современной России являются выходцами из военной среды. В 20-е гг. служба в РККА была одним из наиболее простых способов сделать политическую карьеру. В исследовании необходимо дать достаточно объективную оценку причин, приведших РККА к катастрофическим последствиям в 1941 г., предостеречь, чтобы аналогичная катастрофа не повторилась в ближайшем будущем.

Объектом исследования являются территориальные соединения и части РККА, дислоцировавшиеся на Урале. Среди них выделяются части 57-й Уральской стрелковой дивизии, являвшиеся наиболее боеспособными в 20-е гг., и соединения 13-го Уральского стрелкового корпуса, развернутые в 30-х гг. на базе 57-й дивизии.

Предметом исследования является процесс строительства территориальных частей РККА, социальные характеристики переменного состава, социально-культурный, экономический, внутренний и внешний

политический факторы развития смешанной системы комплектования, а также причины ее свертывания во второй половине 30-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1939 гг., но наиболее подробно изучен период с 1923 по 1927 гг., во время которого происходило непосредственное формирование территориальной системы РККА на Урале, а также период с конца 20-х гг. до середины 30-х гг., когда происходило развитие системы до максимального предела, а затем начался процесс ее свертывания.

Территориальные рамки исследования включают в себя территорию современных Пермской, Свердловской, Челябинской обл., являвшиеся в 20-х – начале 30-х гг. ядром Уральской обл., в которую входили также Курганская и Тюменская обл., а также территорию Башкирской АССР.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время нет ни одной монографии, посвященной исключительно территориальным частям РККА, тем более в рамках Уральского региона. Те или иные аспекты проблемы в масштабах всей страны рассматривались еще в 1920-х гг. представителями русской и советской военной школы А.А. Свечиным, А.М. Зайончковским, Б.М. Шапошниковым, В.К. Триандафиловым.¹ Практические вопросы перехода к смешанной системе комплектования в РККА разрабатывались наркомом военных и морских дел (до января 1925 г. заместитель наркома) М.В. Фрунзе,² работниками Инспектората РККА Я.Я. Алкснисом, И.А. Алексеевым, Ж. Блюмбергом, А.С. Городко, Н.В. Лисовским, М. А. Кульчаком и др.³ Их работы были построены на обобщении имеющегося опыта территориального военного строительства в странах Западной Европы, который, в свою очередь, обобщили ранее представители западноевропейской военной мысли XIX и начала XX вв. К. Клаузевиц, Ф. Меринг, Ж. Жорес.⁴

Работники инспектората РККА составляли по сути дела практические инструкции для комсостава, в которых высокая роль неизменно отводилась идеологической работе, как во время сборов, так и в период между сборами. К

¹ См.: Шапошников Б.М. Абрис современной стратегии. М., 1923; Свечин А.А. Будущая война. М., 1925; Зайончковский А.М. Подготовка России к войне. (Планы войны). М., 1926; Триандафилов В.К. Возможная численность будущих армий. // Война и революция, 1927. № 3.

² См.: Фрунзе М.В. Регулярная армия и милиция. Единая военная доктрина и Красная Армия. Реорганизация Красной Армии. Пути военного строительства. Красная Армия и единоначалие. Красная Армия и оборона Советского Союза. М., 1983. Собр. соч. Т. 2, 3; Он же. Военная доктрина и Красная Армия. М., 1957. Собр. соч. Т. 2.

³ См.: Кульчак М. А. Новая организация местного военного управления. М., 1924; Алкснис Я.Я. Милиционное строительство М., 1925; Лисовский Н.В. Милиционные начала в Красной Армии. М., 1925.; Алексеев И.А. Территориальные формирования. М., 1926; Городко А.С. Территориальная Красная Армия и оборона СССР. М.-Л., 1926; Блюмберг Ж. Как проводятся территориальные сборы. М.- Л., 1928;

⁴ См.: Меринг Ф. Милиция и постоянное войско. М. 1924; Жорес Ж. Новая армия. М. 1925; Клаузевиц К. О войне. М., 1936.

сожалению, в этих работах отсутствовал анализ результатов первых полевых сборов, замалчивались многие недостатки.

На формирование любой военной доктрины оказывает влияние целый ряд факторов: социально-экономический уровень развития, геополитическое положение страны, культурно-национальные особенности населения. Они особенно детально были изучены в работах Н. Лисовского, В. Левичева, И. Алексеева и других представителей советской военной школы 1920-х гг. Для теоретического обоснования военной доктрины эти авторы использовали анализ обстановки в стране и за рубежом, состояние экономики, демографические показатели и местные бытовые особенности населения. Особое внимание уделялось наличию и пригодности социально-экономической инфраструктуры.⁵ Рост боеспособности терчастей РККА В. Левичев видел в рамках всеобщего экономического и культурного развития страны. Повышение общего уровня грамотности, особенно грамотности технической, при дальнейшем развитии системы допризывной подготовки создавало более благоприятные условия для адаптации призывников к обстановке военных сборов в терчастях и делало качество подготовки несколько не хуже, чем в кадровых частях, что, естественно, снимало необходимость длительного казарменного обучения.⁶

В 50-х гг. после долгого перерыва (с середины 30-х гг.) в военно-исторической науке произошел возврат к проблеме. И.Б. Берхин детально остановился на замысле военной реформы 1924-1925 гг. и механизме ее проведения, но не сделал анализа ее результатов.⁷

Н.В. Афанасьев, В.Н. Конюховский, а вслед за ними Ф.Г. Кулик считали, что военная реформа, разработанная под руководством М.В. Фрунзе, только начала осуществляться в 1924-1925 гг. и была завершена к 1928 г. уже без ее главного идейного руководителя.⁸ Мы считаем, что военная реформа в СССР к 1928 г. еще не была завершена, а находилась лишь в начальной стадии. В середине 30-х гг. началась «военная контрреформа», которая включала в себя процесс увеличения кадровых частей РККА, в том числе и за счет терчастей. Она же стала одной из предпосылок массовых репрессий против высшего и старшего комсостава Красной Армии.

В работах Н.А. Сувенирова и С.М. Кляцкина главный акцент делался на идеологической и воспитательной функциях терчастей РККА. Проблемам боеспособности терчастей, организации вневойсковой подготовки, особенностям морально-психологического климата уделялось значительно

⁵ Алексеев И.А. Указ. соч. С. 26; Лисовский Н.В. Указ. соч. С. 89-90; Левичев В. Основы территориально-милиционной организации. М. 1926. С. 17.

⁶ См.: Левичев В. Указ. соч. С. 12, 13.

⁷ См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924 – 1925 гг. М., 1958.

⁸ Афанасьев Н.В. Военная реформа 1924-1928 гг. Л., 1959 С. 38; Конюховский В.Н. Территориальная система военного строительства. М., 1961. С. 73; Кулик Ф.Г. Исторический опыт Компартии по территориально-милиционному строительству Красной Армии. М. 1977. С. 84.

меньше внимания.⁹ В диссертации акцент на этих вопросах несколько усилен. Дана критичная оценка состоянию политической и воспитательной работы в терчастях Красной Армии на Урале.

Наиболее близко к проблеме территориального строительства РККА на Урале подошли исследователи Гражданской войны на Урале В.С. Скробов и М.А. Молодцыгин.¹⁰ Их работы не рассматривали территориальный принцип комплектования Красной Армии в качестве самостоятельной проблемы, тем более что в указанный период для него не было благоприятных условий. Проблема развития военного строительства на Урале после окончания Гражданской войны была поднята в исследовании А.А. Крошилова.¹¹ Но он ограничился периодом 1921–1925 гг. и в качестве основного объекта исследования избрал военные комиссариаты, которые лишь отчасти имели отношение к территориальному строительству РККА на Урале.

Практически во всех работах советских историков 60-80-х гг. отсутствовала оценка результатов военной реформы 1924 – 1925 гг., а переход к кадровой системе комплектования объяснялся только как ответ на нарастание угрозы войны в Европе. Во многих работах в стороне оставались вопросы участия терчастей РККА в техническом перевооружении армии, изменения в социальном составе призывного контингента в 30-е гг., организации сети военно-учебных заведений на местах. Достаточно подробно была изложена история формирования первых территориальных частей РККА на Урале в книгах по истории Уральского военного округа.¹² В них приводится богатый фактический материал о ходе учений и об успехах в боевой подготовке переменного состава. Но при этом не были указаны все причины свертывания территориальной системы Красной Армии.

Полезным было знакомство автора с концепциями западных историков по вопросам военного строительства в СССР. Новизна постановки вопроса М. Хагеном заключалась в том, что он раньше своих советских коллег поднял проблему социальных последствий территориального строительства РККА, рассматривая военную службу как самую оптимальную возможность сделать политическую карьеру в СССР. Кроме того, он затронул малоизученный вопрос об особых привилегиях для военных, которые повышали их социальный статус в глазах гражданского населения. Наиболее интересным предположением М. Хагена было утверждение о том, что армия во многом определила политику партии по отношению к коллективизации, став кузницей кадров для вновь

⁹ См.: Кляцкин С.М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике в 1917-1920 гг. М. 1965; Сувениров Н.А. Компартия - организатор политического воспитания Красной Армии и Флота. 1921-1928 гг. М. 1976.

¹⁰ Скробов В.С. Проблема военной деятельности Коммунистической партии на Урале (окт. 1917-1920 гг.). Свердловск 1971; Молодцыгин М.А. Деятельность Компартии по созданию и развитию и укреплению местных органов военного управления в конце 1917- начале 1919 гг. На материалах Урала. Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск. 1968.

¹¹ Крошилов А.А. Органы военного управления на Урале в восстановительный период. (1921-1925 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Пермь. 1981.

¹² См.: История Уральского военного округа. Свердловск. 1971; Краснознаменный Уральский. М., 1983.

созданных колхозов. Любопытным является мнение автора о противостоянии в 30-е гг. между руководством ОГПУ и РККА, которое закончилось политическим поражением последнего в 1937-1938 гг.¹³ Использование социологических подходов в исследованиях западных историков иногда дает возможность для новых теоретических построений. Но при этом они страдают от недостатка достоверности и не дают возможность уловить региональную специфику изучаемой проблемы.

В начале 90-х гг. механизм репрессий в Красной Армии по-новому попытался осветить О.Ф. Сувениров. Он дал развернутый анализ этого процесса, отодвинув его хронологические рамки до середины 20-х гг. По его мнению, до середины 30-х гг. высший комсостав и органы ОГПУ организовывали репрессии согласованно, направляя их в основном против бывших офицеров русской армии. С середины 30-х гг. главная роль в организации репрессий в РККА стала принадлежать руководству НКВД, и теперь они были направлены против высшего комсостава армии. О.Ф. Сувениров утверждал, что руководство НКВД стремилось играть решающую роль в проведении внутренней политики СССР в 30-е гг.¹⁴

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что территориально-кадровая система РККА в 20 - 30-е гг. XX в. впервые рассматривается в качестве самостоятельной проблемы и анализируется на региональном уровне. Она также выступает как проблема, решаемая в специфических условиях: на границе между армией и обществом, с учетом взаимного влияния социальных законов и традиций, по которым живут воинские коллективы.

Цель и задачи исследования.

Целью работы является уточнение роли Красной Армии в становлении и развитии Советского государства, как одной из составляющих складывавшегося тоталитарного режима. Основываясь на региональных материалах, мы еще раз выходим на проблему социально-политической эволюции российского общества, которая находит свое отражение в направленности военного строительства.

Поставленная цель предполагает решение следующих основных задач.

1. Исследование строительства территориальных частей РККА на Урале в 1921 - 1939 гг. в качестве специальной проблемы.
2. Анализ основных элементов системы смешанного территориально-кадрового комплектования, которая включает в себя порядок проведения приписки переменного состава и его призыв для прохождения воинской службы в территориальных частях Красной Армии, организацию полевых учений, вневоинсковой подготовки в период между сборами.

¹³ См.: Хаген М. Армия и общество в 20-е гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С.55-60.

¹⁴ Сувениров О.Ф. Наркомат Обороны и НКВД в предвоенные годы. // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 34.

взаимодействие с системой допризывной подготовки, как необходимой базы для развития строительства территориальных частей.

3. Раскрытие взаимосвязи социально-экономических, социально-культурных, внешних и внутривнутриполитических факторов развития территориальной системы РККА в 20-е гг. и ее свертывания во второй половине 30-х гг.
4. Уточнение причин низкой боеспособности терчастей Красной Армии, исходя из конкретных условий реализации рекомендаций Инспектората РККА по организации полевых лагерных сборов переменного состава территориальных частей и соединений.

Методологической основой диссертации стали принципы историзма и научной объективности, структурного и динамического анализа культурно-исторического процесса в рамках российской цивилизации, сочетающей в себе признаки европейского и азиатского культурно-исторических типов. Эти методы прошли апробацию в современной российской исторической школе. Исследование построено на стыке таких дисциплин, как военная и политическая история, социология, политология, социальная психология. Это позволяет провести более объективный анализ поставленной проблемы и оптимально сочетать теоретическую и практическую части диссертации.

Источниковая база исследования. Для раскрытия темы диссертации автором использованы архивные документы, периодическая печать 1920 - 1930-х гг., теоретические работы и методические указания руководства Народного комиссариата по военным и морским делам, работников Инспектората РККА, сборники опубликованных документов и материалов, историческая литература. Основная масса документов, привлеченных исследователем, находится в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО). В качестве источников привлечены также отдельные документы из Центрального архива Министерства Обороны (ЦАМО) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Наибольшую ценность представляют фонды РГВА, в которых хранятся документы Управления Уральского и Приволжского военных округов. В них содержится информация о переводе на территориальный принцип комплектования 57-й Уральской стрелковой территориальной дивизии, дислоцировавшейся на территории Екатеринбургской, Пермской и Челябинской губ. в 1923 г., о проведении призыва и первых полевых сборов. Отдельные фонды содержат документы Управления делами Реввоенсовета СССР, Наркомата Обороны и секретариата наркома обороны. При работе с ними была использована информация о кадровых перестановках в РККА в 20-30-х гг., а также сведения о техническом переоснащении и перевооружении Красной Армии в 30-е гг.

Создание 13-го Уральского стрелкового территориального корпуса в 1931-1932 гг., развернутого на базе 57-й Уральской дивизии, было прослежено по фондам, в которых отложились документы по каждой территориальной

дивизии в составе корпуса. Документы указанных фондов содержат сведения о проведенных учениях, инспекторских смотрах состояния боевой подготовки в территориальных дивизиях, социальные характеристики призывного контингента, результаты работы по вербовке на сверхсрочную службу, сведения о состоянии партийно-политической работы, в том числе о чистках рядов ВКП (б) в частях корпуса, а также информацию об участии тердивизий в строительстве промышленных предприятий на Урале.

Административным центром Уральской обл. до ее раздела в 1934 г. был г. Свердловск, поэтому документы Уралобкома ВКП (б) в основном пополнили фонды областного партийного архива, а ныне ЦДОО СО. Фонды ГАСО (Екатеринбургский губвоенкомат и Уральский облвоенкомат, Управление военно-продовольственного снабжения Приуральского военного округа) привлекались для изучения вопросов проведения демобилизации из Красной Армии после окончания Гражданской войны и оказания взаимной помощи территориальных частей и промышленных предприятий г. Екатеринбурга по решению хозяйственных вопросов. Фонд ЦДОО СО, в котором сосредоточены документы Уралобкома ВКП (б), содержит много материалов о проведении партийных чисток, призыва в терчасти, о проблемах тылового обеспечения полевых сборов. Следует отметить, что значительная часть документов из уральских архивов была либо утрачена, либо передана на хранение в центральные военные архивы. Часть документов вводится в научный оборот впервые.

Опубликованные документы включают в себя резолюции съездов и конференций как центральных, так и уральских областных Советов, организаций компартии, статистические сборники, содержащие социально-демографические показатели призывного контингента, сборники законов СССР. Большим подспорьем в работе над исследованием проблемы послужили уральские периодические издания, такие как «Известия Екатеринбургского губкома РКП (б)», «Уральский рабочий», «На смену!», а также военная периодика частей РККА на Урале («Красноармейская звезда», «Красный боец», «Артиллерист», «Красный сапер» и др.). В них в основном поднимались проблемы поддержания высокого уровня дисциплины, отражался процесс социалистического соревнования по повышению боевой выучки подразделений и целых частей, затрагивались многие бытовые неурядицы в жизни рядовых красноармейцев.

В диссертации использованы мемуары участников территориального строительства РККА в 20-х гг. и тех, кто в конце 30-х гг. на практике смог оценить результаты перехода к смешанной системе комплектования Красной Армии, опираясь на полученный боевой опыт. Среди них особое место занимают воспоминания С.И. Гусева, принимавшего непосредственное участие в реализации военной реформы 1924 – 1925 гг., а также Г.К. Жукова, который в боях на р. Халхин-Гол смог убедиться в реальной степени боеспособности территориальных частей.

Справочная литература в виде социально-демографические данные личного состава РККА и сборников законов РСФСР и СССР позволила провести анализ социально-правового аспекта территориального строительства Красной Армии в 20-е гг.

Опубликованные материалы партийных и комсомольских конференций в территориальных соединениях дали возможность исследования проблем политического развития страны и региона в 20-е гг. В 30-е гг. количество опубликованных материалов значительно сократилось, поэтому социально-политический аспект исследования анализировался на основе архивных документов и периодической печати.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены на пяти региональных научных конференциях (Екатеринбург - 1996, 1998, 1999 гг., Тюмень - 1998 г.). Текст диссертации обсуждался на заседании кафедры истории России исторического факультета Уральского госуниверситета. Основное содержание диссертации отражено в пяти публикациях.

Структура исследования обусловлена поставленными задачами. Она включает введение, две главы, состоящие из четырех параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, а также приложения.

Основное содержание работы

Во введении диссертационного исследования обосновываются актуальность, научная значимость темы, определены объект и предмет, цели и задачи исследования, дан обзор литературы и источников.

В первой главе, «Обоснование необходимости и создание территориально-кадровой системы Красной Армии в 20-е гг.» проведен теоретический обзор проблемы перехода РККА на смешанную систему комплектования, предпринят анализ основных направлений военной реформы 1924-1925 гг. и ее влияния на дальнейшее развитие военного строительства в СССР. Основное внимание в главе уделено становлению территориального строительства РККА на Урале в 20-е гг.

Первый параграф «Необходимость, замысел и формирование предпосылок для перехода к территориально-кадровой системе РККА» начинается с анализа процесса перехода Красной Армии с военного на мирное положение после окончания Гражданской войны. В результате обвальной демобилизации в армии резко упала воинская дисциплина. Выход был найден в удерживании членов РКП (б) в рядах РККА. 3 января 1922 г. в губвоенкоматы пришла директива ЦК РКП (б) о дополнительной мобилизации коммунистов в ряды Красной Армии. Таким образом, в 1921 - 1922 гг. на Урале фактически происходило слияние партийного аппарата частей РККА с аппаратом территориально-административных единиц Пермской, Екатеринбургской, Уфимской и Челябинской губ. В результате стали складываться предпосылки к

переходу комплектования политсостава частей Приуральского военного округа по территориальному принципу. Несмотря на боевой опыт, многие комиссары и политруки не обладали основательными военными и техническими знаниями. Поэтому простым увеличением числа коммунистов в армии решить проблему укрепления пошатнувшейся воинской дисциплины было невозможно. Требовались иные подходы к решению проблемы.

Демобилизация в 1921 г. затронула в основном те части Красной Армии, в которых преобладал крестьянский контингент. И наоборот те части, в которых был относительно высок удельный вес промышленных рабочих, сохраняли штаты военного времени. Стремление к пополнению таких частей за счет рабочих неизбежно подталкивало комсостав к территориальному принципу комплектования.

Объективная тенденция к определенной демилитаризации Советского государства в рамках НЭП заставила не только пойти на демобилизацию и сокращение РККА, но и вновь выдвинула проблему поиска новых принципов военного строительства, соответствующих новым внутривнутриполитическим реалиям, а также и изменявшемуся международному положению страны. Представители советской военной школы А.А. Свечин, В.К. Триандафилов, Б.М. Шапошников в предвидении новой войны предполагали наращивание численности обученных резервистов. Наиболее оптимальным способом являлось применение смешанного принципа комплектования, который позволял провести военное обучение призывного контингента без длительного отрыва от производства и пропускной способностью, превышавшей кадровые части РККА втрое, как считал М.В. Фрунзе.¹⁵

В диссертации констатируется, что после окончания Гражданской войны командный состав Красной Армии стал быстро погружаться в трясину текущих бытовых и хозяйственных вопросов, отодвигая на второй план боевую учебу личного состава, что также явилось одной из причин падения воинской дисциплины. В начале 20-х гг. нарком военных и морских дел Л.Д. Троцкий призывал к опоре на младший комсостав, являвшийся главным связующим звеном между командиром и рядовым красноармейцем, но демобилизация в 1921-1923 гг. красноармейцев старших возрастов (1891-1900 гг. рождения) вымывала их из рядов РККА. Проникновение товарно-денежных отношений в армейскую среду подрывало воинскую дисциплину в частях РККА, превращало и рядовой, и командный состав в расхитителей военного имущества и спекулянтов.

Реорганизация кадров в Красной Армии проводилась в виде партийных чисток в рядах командного состава, особенно высшего, с целью отстранения от ответственных должностей лиц с неблагонадежным политическим прошлым и «чуждым» социальным происхождением. Реорганизация органов управления влекла за собой усиление влияния компартии в армейских кругах и увольнение военных профессионалов – офицеров русской армии, имевших опыт Первой

¹⁵ Коноховский В.Н. Территориальная система военного строительства. М., 1961. С. 24.

мировой войны. Усиление влияния РКП (б) ставило под вопрос укрепление принципа единоначалия, который являлся стержневым для сохранения и укрепления воинской дисциплины. В результате все преобразования в Красной Армии приобрели формальную окраску, выхолостили саму идею военной реформы.

В условиях формирования территориально-кадровой системы происходило сращивание на местах военного и гражданского административного аппарата, что привело к децентрализации военного и одновременно милитаризации административного аппарата. Это сделало новое образование менее эффективным, чем аппарат Наркомата военных и морских дел.

Автор считает, что проблема комплектования комсостава территориальных частей решалась по нескольким направлениям. Часть комсостава, непосредственно занимавшаяся работой по боевой подготовке переменников, формировалась в основном за счет кадрового состава терчасти. В 1924 г. РВС СССР, анализируя первые результаты полевых сборов, отмечал, что почти во всех дивизиях есть некомплект младшего комсостава. Для восполнения этого некомплекта при терчастях создавались школы младшего комсостава. Доукомплектование среднего и старшего командного состава терчастей РККА проходило путем персонального отбора из работников партийно-советского аппарата подведомственной ему территории.

При создании территориальной системы комсостав Красной Армии терял свою корпоративную замкнутость, армия действительно становилась народной, по сравнению с кадровой русской армией до начала Первой мировой войны. Но в условиях, когда военный профессионал заведомо уступал партийному функционеру, РККА не могла значительно повысить свою боеготовность, она продолжала оставаться орудием не столько внешней, сколько внутренней политики государства, которое сращивалось с партийным механизмом.

В параграфе проведен анализ экономического обоснования перевода на смешанный принцип комплектования. В 1925 г. на содержание одной кадровой дивизии требовалось примерно 1 млн. 800 тыс. руб. в год. В то же время содержание территориальной дивизии обходилось в 1 млн. 700 тыс. руб. При этом в кадровой дивизии боевую подготовку проходили 4400 человек за два года, а в территориальной дивизии - 12 тыс. человек за 8 месяцев полевых сборов, растянутых в течение 4,5 лет.¹⁶ Нами сделано уточнение в плане оценки степени пропускной способности при обучении призывного контингента в территориальных частях. При учете продолжительности усвоения программы по боевой подготовке и в кадровой, и в территориальной дивизии. Пропускная способность в последней была всего в 1,5 раза выше, чем в кадровой.

Для оборудования полигонов, размещения переменного личного состава во время сборов, изготовления необходимых пособий, обмундирования,

¹⁶ Лисовский Н. Указ. соч. С. 78; Ващенко П.Ф., Рунов В.А. Военная реформа в СССР в 1924 - 1928 гг. // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 39.

продовольственного снабжения и т.д. требовалось большое количество средств. При недостатке помещений комсостав терчастей был вынужден идти на рассредоточение по подразделениям. В этом случае спайка, сплочённость воинского коллектива ставились под вопрос. Возникла насущная необходимость в длительном казарменном обучении.

Во втором параграфе «Начало строительства территориальных частей Красной Армии на Урале» дан обзор традиций территориального строительства РККА в регионе, которые были заложены ещё в добровольческий период ее формирования.

Первые территориальные части РККА на Урале были наделены функциями карательных войск, не присущими армии, призванной защищать государство от угрозы извне. Но Гражданская война превратила Красную Армию в часть карательного аппарата коммунистического режима. Ожесточенные бои с крестьянскими повстанцами зимой 1920-1921 гг. потребовали дополнительного привлечения регулярных частей РККА, поэтому вопрос о дальнейшем формировании территориальных частей был снят. Эти же события послужили причиной превращения территориальных по принципу комплектования (в основном из горнозаводских рабочих) дивизий ВНУС в регулярные части РККА. Но при этом удельный вес армейских формирований, созданных для подавления крестьянских выступлений, значительно вырос. Это была своеобразная перестраховка от возможного повторения событий, происшедших в Кронштадте в марте 1921 г.

После подавления крестьянских восстаний в Зауралье бывшие дивизии ВНУС сохранили пункты постоянной дислокации и костяк командного и политического состава, который был укомплектован за счет местных партийных и советских работников. Части 57-й стрелковой дивизии (бывшей 24-й дивизии ВНУС) фактически стали учебными центрами по боевой подготовке и военному обучению новобранцев, набирался большой опыт, который в дальнейшем был использован для образования территориальных дивизий на Урале и других частях страны.

Диссертант установил, что реальный уровень индивидуальной подготовки переменников во многом определялся тем, кто непосредственно руководил полевым занятием – командир отделения, взвода, групповод. Кадровые командиры отделений прибывали в полевые лагеря к августу – сентябрю по окончании срока обучения в школах младшего комсостава, а сами сборы начинались в мае-июне. Поэтому недостаток руководителей полевых занятий носил хронический характер.

Экстенсивность вневойсковой системы военного обучения заключалась в большой растянутости по времени, когда одни и те же навыки приходилось закреплять сначала 16-18-летним, затем 19-21-летним призывникам, а также переменникам всех четырех возрастов (21-25 лет). За этот период переменники действительно получали необходимый минимум практических навыков, но для их закрепления нуждались в периодическом призыве на общевойсковые сборы. Нагрузка на постоянный комсостав терчастей наращивалась без каких-либо

качественных сдвигов в подъеме боеспособности и мобилизационной готовности.

В диссертации утверждается, что главной ошибкой в организации первых сборов частей 57-й Уральской дивизии, за которой последовали все остальные, было то, что сроки проведения сборов и тактических учений дивизии были сжаты. Это не позволило дать переменникам максимум навыков и знаний, необходимых для действий не только в одиночку, но и в составе подразделения. Большое количество времени ушло на переброску 169-го и 171-го стрелковых территориальных полков из Перми и Челябинска к Екатеринбургу. Вновь прибывшие полки и специальные подразделения не имели времени, необходимого для проведения боевого слаживания в масштабах всей дивизии. Многие рекомендации по методике проведения полевых учебных сборов не были соблюдены. Вопреки рекомендациям Инспектората РККА сборы проводились именно в масштабе дивизии, когда сил и средств было достаточно только для проведения учений только на уровне батальон – полк. Положение спасал опыт командиров и красноармейцев, ранее проходивших службу в 57-й дивизии, а также особо тщательный отбор кадров и всемерная поддержка со стороны партийно-советского аппарата. В дальнейшем таких благоприятных условий, которые были созданы для 57-й стрелковой дивизии в Приволжском военном округе, больше не создавалось.

Население выступало как объект воздействия армии, поэтому рассчитывать на развитие его самостоятельности и сознательности не приходилось. Нами сделан вывод, что в самом начале военной реформы 1924 – 1925 гг., в ее истоках, в том числе в экспериментах по переводу регулярных частей на территориально-кадровый принцип комплектования, закладывалось внутренне присущая ограниченность военных преобразований в Вооруженных Силах СССР.

Принцип социальной и географической избирательности при проведении экспериментальных учений позволил относительно успешно решить вопросы организации первых лагерных сборов для того, чтобы потом утверждать о достигнутых успехах. Но систему территориального комплектования необходимо было распространять вширь, а для этого еще не было достаточных условий. Важнейшим из них и руководство РКП (б), и высший комсостав Красной Армии считали укрепление политической и воспитательной работы в войсках как основного гаранта сохранения и укрепления воинской дисциплины. При этом уровень социально-экономического развития всей страны в расчет не брался.

При минимальных размерах и уравнительном принципе оказания шефской помощи, кардинального улучшения материальной базы для проведения сборов добиться было невозможно. Единственным выходом из положения оставалось привлечение к хозяйственным работам постоянного рядового и командного состава, а во время сборов и переменной. Это сводило к минимуму все достижения от перевода 57-й дивизии на территориальный принцип комплектования и заранее ставило ее в заведомо худшее положение по сравнению с кадровыми частями, распоряжавшимися личным составом для

этих целей круглый год. Своеобразной страховкой от неминуемого падения боеспособности 57-й дивизии в 1924 г. стало решение РВС Приволжского военного округа укрепить соединение за счет рядового и командного состава уральских частей ЧОН, который составил в нем подавляющее большинство.

На примере Башкирии в диссертации рассмотрено противоречие между задачами территориального строительства частей РККА и уровнем социально-экономического развития региона. Он не позволял обеспечить процесс обучения военному делу необходимыми материальными ресурсами и призывным контингентом, который страдал от недостаточного уровня образования и был по-прежнему скован устойчивыми патриархальными традициями. В учебно-материальной базе 57-й Уральской дивизии тоже имелись существенные недостатки, хотя соединение было на лучшем счету у командования Приволжского военного округа. Проведенный анализ состояния казарменных помещений для переменного состава показал, что наиболее интенсивно обучение переменного состава части проходило в городах и рабочих посёлках, т. е. на территориях с компактно размещённым призывным контингентом.

При анализе резолюций партконференций в 57-й Уральской дивизии в 1925 - 1927 гг. нами сделан вывод о том, что буква партийного устава часто приносилась в жертву принципу единоначалия. Специфика воинского коллектива не позволяла полностью реализовать резолюции партконференции дивизии, поскольку принцип совмещения должностей командного и политического состава при любых обстоятельствах отдавал инициативу в руки командного состава. Конференции партийной организации 57-й дивизии собирались один раз в год и могли только констатировать случаи ущемления внутрипартийной демократии. Они ограничивались рекомендациями по соблюдению пунктов партийного устава и координации действий политсостава с командованием дивизии.

В конце 20-х гг. в условиях начала социально-экономической модернизации края усилилась социальная подвижность населения, которая добавила проблем и командованию 57-й Уральской дивизии, и аппарату окружных и областных военкоматов Уральской обл. Массовые миграции из села в город, с одного завода на другой, расселение зажиточных крестьян, рост миграции на Урал из других регионов СССР, все это привело к дестабилизации работы по учету призывного контингента. Часть работы по призыву несколько лет брал на себя постоянный командный и политический состав 57-й Уральской дивизии, но он охватывал своей работой только 20-25% призывного контингента Уральской обл. Во время призыва ни работники районных исполкомов советов, ни аппарат военкоматов, ни сами призывники не проявляли особой активности. Рабочих под предлогом сборов стали призывать не в переменный, а в постоянный состав. В результате призыв в целом стал восприниматься как рекрутчина. Это было вполне закономерной реакцией населения на возврат к методам призыва в РККА, которые напоминали времена «военного коммунизма».

Положение территориально-кадровой системы Красной Армии на Урале к началу 30-х гг. во многом было схожим с тем, каким оно было сразу после Гражданской войны. Но система имела некоторый запас прочности. За 10 лет был накоплен организационный опыт, воспитано новое поколение командиров запаса, население получило возможность лучше познакомиться с жизнедеятельностью терчастей и преимуществами службы в них. Возрос уровень грамотности и общей осведомленности основной массы призывников, увеличилась численность промышленных рабочих в связи с процессом индустриализации края. Все эти факторы в некоторой мере упрощали задачу развития территориального строительства РККА на Урале, но была не решена проблема технической грамотности и улучшения материально-учебной базы.

Вторая глава «Развитие территориально-кадровой системы Красной Армии на Урале в 30-е гг.» посвящена проблеме территориального строительства РККА в 30-х гг. на социально-экономическом, внутри и внешнеполитическом фоне, находившем свое конкретное отражение в участии терчастей в индустриализации и коллективизации края, проведении репрессий против командного состава терчастей РККА, дислоцированных на Урале.

В первом параграфе «Развертывание новых территориальных частей РККА на Урале и их участие в производственной деятельности» обращено внимание на усиление влияния внешних факторов развития территориально-кадровой системы армии. Для укрепления границы с Китаем в Забайкальский военный округ была передислоцирована 57-я Уральская дивизия, предварительно прошедшая учебные сборы и укомплектованная по штатам военного времени.

В диссертации прослеживается, что при развертывании 13-го Уральского стрелкового корпуса была соблюдена преемственность кадров, особенно постоянного командного состава. Так, в 82-й стрелковой дивизии основой формирования послужил кадровый состав управления 57-й стрелковой дивизии. Размещение частей 13-го Уральского стрелкового корпуса во многом воспроизводило дислокацию 57-й Уральской дивизии. При этом части 82-й и 85-й дивизий имели много общих проблем с 65-й дивизией при организации призыва, так как крестьянский контингент преобладал во всех соединениях 13-го стрелкового корпуса, но его удельный вес в 65-й дивизии был самым высоким по сравнению с 82-й и 85-й дивизиями. Распыленность призывного контингента на больших территориях значительно осложняла проведение дивизионных лагерных сборов. Кроме того, личному составу 65-й дивизии пришлось практически заново создавать учебно-материальную базу, в то время как 82-я и 85-я дивизии унаследовали учебные центры, полигоны и казармы от 57-й Уральской дивизии. Появление новых административно-территориальных единиц привело к нарушению координации действий между комсоставом частей 13-го корпуса и местными партийными организациями.

РВС Приволжского военного округа особое внимание уделял степени подготовленности командного состава по тактике, инженерному делу, огневой подготовке. Результаты зачета по огневой подготовке показали незначительную разницу в подготовке между комсоставом частей 13-го стрелкового корпуса.

что свидетельствовало о среднем уровне подготовки не только переменного комсостава, но и кадровых командиров.

Автором подчеркивается, что к середине 30-х гг. проблема укомплектованности постоянным командным составом в частях РККА стала обостряться. Многие командиры среднего, а особенно старшего звена имели большую выслугу лет, а некоторые достигли предельного возраста. Из 82-й дивизии в течение 1934 г. выбыло значительное количество комсостава с большим командным стажем и прибыло 40 % молодых командиров. Кадровая преемственность постепенно утрачивала силу. Из строя выбывали командиры, которые имели хоть и устаревший, но все же боевой опыт участников Первой мировой и Гражданской войн. Они психологически были более подготовлены по сравнению с молодежью, не прошедшей боевых испытаний. Поскольку в 30-е гг. происходил процесс формирования новых частей Красной Армии, то недостаток командных кадров усиливался.

Территориальные дивизии продолжали играть роль учебных центров по подготовке командиров запаса, а также для постоянной службы в армии. При этом удовлетворялись и собственные потребности соединений в постоянном командном составе. Но качественные показатели переменного комсостава были значительно хуже. Сроки его обучения были сокращены, потому что многие преподаватели школы лейтенантов являлись строевыми командирами, не освобожденными от исполнения своих прямых служебных обязанностей. Это часто приводило к срывам занятий даже по сокращенной программе обучения. Проблема низкой подготовленности командного состава, особенно командиров запаса, на которую указывал М.В. Фрунзе в середине 20-х гг., не была решена и в середине 30-х гг.

Большая текучесть командного состава и призывного контингента не создавали благоприятных условий для организации боевой учебы в частях 13-го Уральского стрелкового корпуса, особенно в 1932 - 1933 гг., когда происходил процесс становления новых территориальных соединений РККА. В начале 1933 г. инспекторские проверки частей корпуса были проведены поверхностно, при попустительстве со стороны командования округа. Когда же в комиссии принял участие не только командующий округом, но и более высокопоставленное должностное лицо – член РВС СССР, то оценка состояния частей корпуса стала более объективной.

Спортивной подготовке в частях 13-го корпуса уделялось чрезмерное внимание со стороны непосредственных командиров и высшего комсостава Красной Армии, а также руководства страны, заинтересованных в пропагандистском эффекте. При организации крупных соревнований применялся избирательный подход, с целью показать высокие спортивные достижения. При этом тактическая, огневая и инженерная подготовка проводились при хроническом недостатке полигонов, оружия и боеприпасов, что вынуждало комсостав во время проведения полевых учений допускать много условностей. В результате практические навыки рядового и командного переменного состава закреплялись недостаточно. Во время учений слабо было налажено взаимодействие различных родов войск.

В диссертации отмечается, что в начальный период строительства частей 13-го стрелкового корпуса его комсостав ещё не усвоил основных правил и методики проведения занятий по тактической подготовке, когда недостаточное количество времени отводилось для подготовительных упражнений, а иногда происходило упущение необходимых этапов в проведении занятия. Это отрицательно сказывалось на результатах действий практически необученных новобранцев, которые были дезориентированы действиями своих командиров. Кроме того, руководители занятий совершали грубые ошибки при организации упражнений в составе подразделений. Комсоставу была очевидна необходимость увеличения удельного веса грамотных призывников для развития территориального строительства РККА. Но таковые встречались не повсеместно, поэтому качественно улучшить состояние боевой подготовки в терчастях было невозможно.

Автором установлено, что уровень технической подготовки в частях 13-го Уральского стрелкового корпуса оказался очень низким. Ставка на социальное происхождение ничем себя не оправдывала, потому что подавляющая масса призывников состояла из неквалифицированных рабочих, а недостаток технически грамотных специалистов был в то время велик. Повышение технической грамотности красноармейцев лежало вне пределов возможностей комсостава, испытывавшего те же трудности. Полное техническое переоснащение и перевооружение РККА в 30-е гг. при сохранении территориально-кадрового принципа комплектования было невозможно, поскольку требовало высокого профессионализма от рядового и командного состава, который в тех условиях можно было создать только на основе кадрового принципа комплектования.

Качественные показатели по боевой подготовке переменного состава практически не менялись. В это время техническое переоснащение и перевооружение Красной Армии зашло достаточно далеко, что дало основания ее высшему комсоставу определить качественные отличия в подготовке частей, укомплектованных и по кадровому, и по территориальному принципу. Переменный состав в 30-х гг. призывался на учебные полевые сборы два раза в год, поэтому результаты, которые были достигнуты за зимний период обучения, были в определенной степени утрачены уже к летним сборам 1936 г. Тогда проверка тактической подготовки переменного состава дала только удовлетворительные результаты. В то же время четко прослеживается тенденция к росту квалификации командного состава дивизии и увеличению удельного веса сверхсрочников в должностях младших командиров.

Предпринятый нами анализ состояния боевой подготовки в частях 13-го Уральского стрелкового корпуса в 1932 - 1936 гг. позволил сделать следующий вывод. При всех достижениях рядового и командного состава лучших частей и соединений корпуса по огневой, физической и тактической подготовке устранить главные недостатки в деле организации и обеспечения проведения полевых сборов в них не удалось.

В ходе вооруженных конфликтов на оз. Хасан в июле 1938 г., на р. Халхин-Гол в мае - сентябре 1939 г., на Карельском перешейке зимой 1939 -

1940 гг. боеспособность красноармейцев оказалась не на должной высоте. В указанных военных конфликтах принимали участие многие из частей РККА, которые были развернуты в течение 30-х гг. или переформированы из территориальных в кадровые. Среди них были части уральских 57-й и 82-й стрелковых дивизий, участвовавших в боях на р. Халхин-Гол. Их действия не вызвали положительной оценки со стороны командующего советскими войсками в МНР комкора Г.К. Жукова. Его распоряжением все командиры в 82-й дивизии были понижены в должности.

В Советском государстве с первых лет его существования армия выполняла не свойственную ей функцию резерва бесплатной рабочей силы для решения различных экономических проблем. Это оказывало определенное влияние на систему боевой подготовки в терчастях РККА, роль которых невозможно было проигнорировать при проведении форсированной индустриализации и коллективизации в СССР.

В диссертации показано, что терчасти Красной Армии на Урале приняли непосредственное участие в коллективизации в качестве дополнительного источника и резерва рабочей силы и способствовали складыванию элементов административно-командной системы, ориентированной на милитаризацию экономики страны. Оказание армией помощи колхозам Урала в начале 30-х гг. стало проводиться регулярно с целью окончательного укрепления колхозного строя в регионе. Потребность в экстренной мобилизации рабочей силы и ресурсов стала постоянной, поскольку колхозы Урала испытывали хронический недостаток собственных материальных и людских ресурсов для проведения полевых работ.

В начале 30-х гг. на территории Уральской обл. происходило строительство крупных гигантов отечественной индустрии, в чем принимала участие и армия. Механизация труда практически отсутствовала, потребность в рабочей силе была постоянной. В заводских корпусах воинские части исполняли роль не только резерва и поставщика бесплатной рабочей силы и материальных ресурсов, но и выступали в роли идеального образца организации работ и оперативной переброски рабочей силы и материальных ресурсов на узкие участки фронта работ. Военная дисциплина поддерживалась вполне естественно, так как в роли организаторов выступали представители не только заводской администрации, но и комсостав. Четкие и организованные действия многотысячных коллективов, помноженные на энтузиазм, вознаграждались выполнением и перевыполнением плановых показателей. Но достигалось это за счет сокращения времени отведенного на боевую подготовку.

Во втором параграфе «Социально-политический аспект территориального строительства Красной Армии на Урале в 30-е гг.» предпринят сравнительный анализ социального состава призывного контингента в 65-й и 82-й стрелковых дивизиях (социальный состав переменников в 82-й и 85-й дивизиях был аналогичен). Это позволило дать достаточно точную картину, раскрывающую особенности территориального строительства частей РККА на примере преимущественно горнозаводских и

сельскохозяйственных районов Урала. Анализ социальных характеристик пополнения показал, что укрепление боеспособности происходило в основном за счет постоянного состава, что дискредитировало саму идею территориального комплектования.

В ходе исследования социального состава пополнения в 65-й и 82-й дивизиях автором было выяснено, что вопреки идеологическим установкам руководства ВКП (б) категория служащих в призывном контингенте значительно превышала общий удельный вес в социальной структуре населения. Это было связано со следующими причинами. Во-первых, в течение 30-х гг. значительная часть молодежи, достигшая призывного возраста, повысила свой уровень образования, что привело к росту удельного веса категории служащих среди призывников; во-вторых, командование терчастей проявляло заинтересованность в увеличении численности грамотных красноармейцев в постоянном составе, поскольку они являлись незаменимыми помощниками в деле организации боевой учебы и идейно-воспитательной работы с переменным составом, так как нагрузка на командный состав части в период полевых сборов многократно возрастала; в-третьих, служба в терчастях РККА была достаточно привлекательна для партийно-советской номенклатуры, поскольку давала возможность делать карьеру в милитаризирующемся государстве. В ходе призыва существовали четкие нормативы по количеству членов ВКП (б) и ВЛКСМ. Анализ социальных данных по призыву в части 82-й стрелковой дивизии подтверждает участие в нем воинских партийных и комсомольских ячеек, заинтересованных в постоянном пополнении своих рядов. Несмотря на то, что в ходе увольнения члены этих ячеек выбывали из списков части, удельный вес комсомольцев и коммунистов в течение 1933-1936 гг. оставался в пределах 30 % от всего призывного контингента.

Диссертант считает, что широкий диапазон колебаний удельного веса призывников, как среди рабочих, так и среди колхозников, указывает на более высокую текучесть кадров в 65-й стрелковой дивизии по сравнению с 82-й дивизией, где наблюдались устойчивые тенденции к росту удельного веса рабочих и сокращению удельного веса колхозников. В 65-й дивизии в ходе призывных кампаний преобладали чрезвычайные методы, которые были более эффективны в условиях недостатка грамотных призывников, при более низкой плотности населения и удельного веса промышленных рабочих в Зауралье.

Комсостав 82-й стрелковой дивизии стремился нейтрализовать негативные явления в переменном составе не столько путем усиления работы с ним, сколько за счет увеличения постоянного состава, в котором главная роль отводилась вербовке на сверхсрочную службу младших командиров постоянного состава. В 1934 - 1936 гг. в 82-й дивизии на сверхсрочную службу было завербовано значительное количество красноармейцев и младших командиров из постоянного состава. В результате за три года постоянный состав дивизии увеличился более чем в два раза. Это означало, что большинство должностей командиров отделений и помощников командиров взводов переменного состава были заняты сверхсрочниками. Продолжение такой тенденции уже не оставляло места не только переменному командному

составу, но и ставило под сомнение вообще сам принцип территориального комплектования.

Категория командиров Красной Армии считалась одной из высокооплачиваемых в СССР, что делало военную профессию социально значимой и востребованной. Но армия не всегда могла исполнять роль «социального лифта» для выходцев из рабочих и крестьян, поскольку в самом командном составе РККА в 30-е гг. наметилась тенденция к материальной дифференциации. Поскольку основную массу в комсоставе составляли представители младшего и среднего звена, нельзя утверждать о том, что все командиры были хорошо материально обеспечены. Отрыв верхушки комсостава РККА от остальных командиров в 30-е гг. еще более увеличился. Внутри командного состава усиливалась имущественная дифференциация, особенно заметная в сравнении командиров среднего, старшего и высшего звена. Денежное содержание старшего комсостава в 1934-1939 гг. увеличилось примерно на 300 %, а у среднего комсостава - немногим более чем на 150%.

В диссертации показано, что в период сборов, особенно летних, терчасти сталкивались с острой проблемой нехватки переменного комсостава. Особенно заметно проявлялась нехватка переменного командного состава, поскольку приписанные к нему работники партийно-советского аппарата уклонялись от прохождения службы под любым благовидным предлогом, тем более что летние сборы по времени совпадали с уборочными кампаниями, когда и терчасти, и работники партийно-советского аппарата мобилизовывались для решения в первую очередь хозяйственных проблем. В адрес первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б) И.Д. Кабакова постоянно шли телеграммы с просьбами о воздействии на комсостав терчастей армии с целью предоставления отсрочек от полевых сборов для работников партийно-советских и хозяйственных органов, на которые он почти всегда отвечал положительно. При этом аппаратчики продолжали числиться в списках терчастей, что формально означало прохождение службы в РККА. Связь терчастей Красной Армии с органами местной власти получалась односторонней. Взаимодействие между постоянным командным и политическим составом терчастей и партийно-советскими органами проявилось недостаточно эффективно. А оно по изначальному замыслу М.В. Фрунзе и других разработчиков военной реформы 1924-25 гг. должно было стать одним из залогов успеха. Этого не случилось потому, что развитие местного самоуправления было парализовано формирующимся тоталитарным режимом, который постоянно нарушал горизонтальные связи в советском обществе, в результате чего терчасти РККА предоставлялись сами себе и утрачивали свои преимущества.

Проведенный нами анализ данных опроса красноармейцев 65-й и 82-й дивизий 13-го стрелкового корпуса в 1936 г. дал основание говорить о низком уровне политической культуры переменного состава, с которым систематическая работа по обучению и воспитанию не проводилась. Командиры терчастей были одновременно комиссарами, но основная нагрузка

по организации политико-воспитательной работы ложилась на младший и средний постоянный комсостав, который и так был перегружен работой по подготовке и обеспечению призыва и полевых сборов. Вследствие этого сложилось отношение к идеологической и воспитательной работе по остаточному принципу. При этом местные власти сами продолжали допускать формализм и произвол по отношению к служащим в терчастях Красной Армии и их семьям. Действия властей не всегда способствовали организации призыва в терчасти РККА, потому что чаще всего происходило подавление социальной активности призывного контингента, которая ограничивалась и в социальном, и в правовом аспекте. Органы власти своими действиями подавляли желание призывников служить в территориальных частях Красной Армии.

Командиры терчастей в конце 30-х гг. имели в лучшем случае опыт Гражданской войны, а служба в них вряд ли способствовала получению ими опыта современной войны. Комсостав в терчастях РККА был лишен возможности повышения своей квалификации, утонув в решении хозяйственных проблем и утратив даже устаревший практический опыт.

В заключении дается краткий анализ итогов территориального строительства армии в СССР и на Урале в 20 – 30-е гг. Эти два неполных десятилетия оказались по срокам вполне достаточными, чтобы определилось основное направление в военном строительстве. Им оставалось комплектование большей части РККА по кадровому экстерриториальному принципу. Территориальные части Красной Армии исполняли роль формирования стратегических резервов для развертывания в дальнейшем новых кадровых частей в течение 30-х гг.

Территориальные части РККА на Урале в 20-е гг. сыграли роль социального посредника между коммунистическим режимом и населением региона, которое было вовлечено в вооруженное противостояние вплоть до конца 1921 г. и могло способствовать новой вспышке Гражданской войны на Урале при содействии крестьянских повстанческих армий в Западной Сибири. Переход армии на смешанный принцип комплектования являлся продолжением курса руководства РКП (б) на установление социального компромисса в стране, начавшегося с отмены продразверстки.

На рубеже 20-х и 30-х гг. территориально-кадровая система перешла в фазу экстенсивного роста, что само по себе являлось отражением процесса развития советской тоталитарной системы, нуждавшейся в расширении ресурсов, необходимых для ее нормальной жизнедеятельности. В этот период РККА вновь, как и во время Гражданской войны, становится основным средством и целью в проведении внутренней и внешней политики партийного руководства.

В середине 20-х гг. у территориальной системы были более благоприятные условия, созданные НЭП, так как она развивалась в условиях экономического роста и политической стабилизации в СССР. Стремительная маргинализация советского общества, ставшая следствием политики «большого скачка», разрушила систему складывавшихся горизонтальных социальных

связей в советском обществе. Это привело к сужению социальной основы для развития территориальной системы комплектования Красной Армии в 30-е гг.

Изменение международной обстановки на рубеже 20-30-х гг. значительно повлияло на принципы военного строительства в СССР. В первой половине 30-х гг. советская военная доктрина подверглась очередной переработке. Для выполнения новой стратегической задачи потребовались мобильные и технически хорошо оснащенные войска. Переменный состав терчастей РККА по своему уровню подготовки соответствовал только стрелковым подразделениям Сухопутных войск. Но они в 30-х гг. были в стадии перевооружения, что потребовало принципиального изменения системы боевой подготовки, сложившейся в 20-е гг. Терчасти имели очень низкую мобильность и мобилизационную готовность, что совершенно не соответствовало планам скрытной мобилизации и концентрации значительной части сил Красной Армии в приграничных военных округах.

Социально-экономические и социально-культурные факторы также ограничили возможности развития территориально-милиционной системы РККА. Они зависели от степени и темпов индустриального развития СССР и не позволяли отказаться от кадрового принципа комплектования Вооруженных Сил, поскольку индустриализация носила локальный и незавершенный характер. Уровень образования и культурного развития основной массы населения региона и всей страны был невысоким, удельный вес городского населения, в том числе промышленных рабочих по-прежнему был ниже, чем крестьян.

В противоречие с территориальной системой комплектования армии пришли тенденции к усилению степени централизации управления в государстве в целом, а также потребность в ускоренной индустриализации края, что значительно сократило возможности отвлечения от производства рабочей силы, необходимой для развертывания в регионе предприятий военно-промышленного комплекса.

Опыт территориального строительства Красной Армии на Урале показал, что эффективность работы командного и политического состава терчастей во многом зависела от тесного взаимодействия с местными территориальными партийными и советскими органами. Интересы комсостава терчастей РККА и местного партийно-советского аппарата часто не совпадали и приходили в прямое противоречие. Специфика функционирования армии и партийного аппарата приводила к противопоставлению узких корпоративных интересов и тех, и других, поэтому взаимодействие комсостава терчастей и местных органов власти не имело положительных результатов. Обе стороны были заняты борьбой за выживание, в том числе ценой доноительства друг на друга, что способствовало росту масштабов массовых репрессий.

Наиболее оптимальным выходом из создавшегося в конце 30-х гг. кризисного положения системы смешанного комплектования стал перевод территориальных частей Красной Армии на кадровый принцип комплектования, что возвращало эти части в полное ведение Наркомата обороны и, в конечном итоге, давало возможность возобновить процесс их

полного укомплектования и боевой учебы. А это, в свою очередь, позволяло надеяться на рост боеспособности РККА в условиях начавшейся Второй мировой войны.

Историческое значение создания территориальной системы Красной Армии на Урале заключается в том, что в условиях острейшего социально-экономического и политического кризиса в начале 20-х гг. терчасти частично позволили решить проблему поддержания обороноспособности страны при значительном сокращении численности Вооруженных Сил СССР. Они способствовали началу социальной интеграции советского общества после окончания Гражданской войны. Вместе с тем, деятельность терчастей РККА на Урале расширила возможности милитаризации населения края, что стало одной из социально-политических предпосылок формирования и укрепления тоталитарного режима. К концу 30-х гг. в Уральском военном округе были созданы значительные стратегические резервы, благодаря которым было ускорено развертывание массовой кадровой армии накануне начала Великой Отечественной войны. Красной Армии РККА в 20 - 30-х гг. может быть применимым и в современных условиях в качестве социального компромисса государственной власти и российского общества, который позволит восстановить престиж службы в российской армии и решить проблему массового уклонения от призыва, а в перспективе и обороноспособности страны. Кроме того, неиспользованным резервом остается закон «Об альтернативной службе», механизм действия которого не приспособлен для практического применения и не подвержен контролю со стороны органов местного самоуправления. Наконец, нуждается в обобщении опыт участия казачьих формирований, созданных по территориальному принципу, по охране отдельных участков государственной границы Российской Федерации. Инициатива населения отдельных субъектов РФ нуждается в политической, правовой и финансовой поддержке со стороны и центральных, и местных органов власти. Необходимо наладить эффективное взаимодействие таких формирований с территориальными управлениями МВД, ФСБ, ФПС, командованием военных округов и округов внутренних войск. Исторический опыт показывает, что без поддержки со стороны населения силовые структуры любого государства были не в состоянии решать военно-политические задачи. Переходный период в истории нашей страны требует принятия компромиссных решений проблем становления Российского государства и его армии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Строительство Вооруженных Сил СССР в послевоенный период. // Мат - лы регион. науч. - практ. конфер. «От солдата до маршала. На службе Отечеству». Екатеринбург. Военно-истор. музей УрВО, Уральское отделение РАН, Институт истории и археологии, УрГУ. 1996. С. 63-69.
2. Проблемы строительства Вооруженных Сил СССР в межвоенный период (1921 - 1939 гг.) // Первые уральские военно-исторические чтения. Мат - лы науч. конфер. Екатеринбург, УрГУ. 1997. С. 109-112.
3. К истории образования территориальных частей РККА на Урале. // Урал в прошлом и настоящем. Мат - лы науч. конфер. Екатеринбург, Ин - т истор. и археол. УрО РАН. 1998. Ч. 1. С. 494-497.
4. Политико-воспитательная работа в территориальных частях РККА на Урале в 20 - 30-е гг. // Проблемы воспитательной работы в войсках Уральского военного округа. Тез. воен. - практ. конфер. Тюмень, Военно-истор. музей УрВО. 1998. С. 74-77.
4. Проблемы боевой подготовки в территориальных частях УрВО в 30-е гг. // Вторые уральские военно-исторические чтения. Мат - лы регион. науч. конфер. Екатеринбург, УрГУ, Военно-истор. музей УрВО. 2000. С. 175-177.